

ослабевающего движения. Это движение подчиняет себе и неодушевленную материю. Глубоко врезанные в поверхность камня борозды складок одежды то закручиваются в тугие спирали, то покрывают тело равномерным узором извивающихся параллельных полос, а свисающие края тканей неожиданно вздуваются, будто подхваченные порывом ветра. Даже лежащее перед тронем „зеркальное море, подобное кристаллу“, оживает, превращаясь в вереницу бегущих друг за другом волн.

Вглядываясь в отдельные фигуры, мы видим, к какому насилию над природой приводит средневекового мастера страсть к динамике. Запрокинутые головы некоторых старцев кажутся приставленными к чужому телу, настолько движение его не связано с резким поворотом головы, а преувеличенная экспрессия евангелиста Матфея находит выражение в немислимом для живого существа положении тела, когда ноги и голова оказываются повернутыми в противоположные стороны. Но это несоответствие привычному, обыденному, земному, это торжество духа над материей создают ту атмосферу необычайности, которая помогает посетителю храма увидеть в развертывающемся перед ним зрелище воплощение иного, недоступного ему мира.

Бесстрастный и неподвижный восседает Христос среди окружающего его смятения, обрамленный, словно ореолом, овальным кольцом сплетенных тел евангелистов и серафимов. Фигура его является фокусом всей композиции. Она расположена строго фронтально — если бы не различие в положении рук и в рисунке складок одежд, она была бы совершенно симметричной.